

*Фильм-слэшер в немалой степени выходит
за пределы приемлемого.*

Кэрол Джей Кловер

ВЕЧЕРНЯЯ ШКОЛА

Памятая бумажная карта, которая провела парочку через бог знает сколько американских штатов, говорит: они в Пруфроке, штат Айдахо, и перед ними простираются темные воды озера Индиан, впадающего прямо в ночь.

— Почему озеро Индиан — там прямо индейцы? Или они его выкопали? — спрашивает Лотта с горящими от любопытства глазами.

— Тут все называется в честь индейцев, — шепотом объясняет Свен, поневоле проникаясь торжественностью момента, когда всё вокруг спит, а ты бодрствуешь.

Позади остывает после шестичасового перегона из Каспера взятая в аренду машина — дверцы распахнуты настежь, Свен с Лоттой все смотрят и никак не могут насмотреться, проникнуться местной атмосферой, ведь в конце недели им пора возвращаться в Нидерланды.

Лотта направляет свет от телефона на карту, трепещущую на ветру, и смотрит на воду, пытаясь совместить линии и полоски на карте с тем, что видит перед собой.

— *Wat?* — спрашивает Свен.

— Говори по-американски, — напоминает Лотта в двухсотый раз. — Если хочешь получить зачетные баллы за курс погружения в языковую среду, надо погружаться по-настоящему.

— Что? — повторяет Свен, и по-английски слово звучит слегка воинственно, будто требует для себя больше места.

— Похоже, на том берегу национальный заповедник. — Лотта указывает в сторону воды подбородком, пытаясь кое-как сложить неподатливую карту.

— Да тут все — национальный заповедник, — бурчит Свен, склонив голову набок и вглядываясь в темную массу черных деревьев.

— Разве в королевском лесу позволят устроить такое? — спрашивает Лотта, сложив, наконец, карту одним из шести возможных способов.

Свен тоже переводит взгляд на противоположный берег озера Индиан. На поверхности плавают мелкие блики света, видные лишь на контрасте с окружающей их тьмой.

— Хмм, — произносит он.

Лотта подходит сзади и кладет подбородок ему на плечо, обнимает за талию.

Свен глубоко вздыхает, удивленно глядя, как огни перемещаются, тянут в непроглядной черноте длинные желтые шеи, словно причудливые громадные звери, собирающие мир воедино, от одного берега к другому. Вдруг в бархатистое небо поднимается мерцающий шар света и висит над озером.

— *Mooi*, — шепчет Лотта Свену в ухо, и он повторяет это по-американски: — Прекрасно!

— Пожалуй, не стоит, — говорит Лотта, имея в виду, конечно, прямо противоположное.

Свен оглядывается на машину, уверенно пожимает плечами — а что такого? Разве они сюда вернуться? Вряд ли им еще раз выпадет шанс в двадцать лет оказаться в Америке и перед ними будет целое озеро — призывно булькает, приглашает окунуть в себя пальцы ног, да и не только.

Они оставляют одежду на капоте, на антенне, вешают на открытые дверцы.

Горный воздух дышит чистотой и свежестью, их обнаженные тела — бледные пятна.

— Вода наверняка... — начинает Свен, и Лотта заканчивает: — ...идеальная! — И они бегут по гальке так, как и полагается голым и босым людям, то есть осторожно, борясь с холодом и смеясь просто потому, что решились на такое.

Позади темнеет Пруфрок, штат Айдахо. Впереди врезается в воду длинный деревянный пирс и указывает дорогу к озеру.

Они понимают — сейчас будет холодно, и едва ноги касаются деревянных досок, Лотта со Свеном напрягают мышцы и бегут, не думая о том, что могут зацепиться за гвозди, занозить пальцы или просто упасть. Перед лицом водной громады Свен издает боевой клич, и Лотта снимает его на телефон. Снимок получается размытый.

— Взяла телефон сюда? — спрашивает он, отступая на пару шагов.

— Фото на память. — Она встает в боксерскую стойку, потому что Свен обернулся к ней.

Он поднимает воображаемую камеру и делает вид, будто снимает Лотту.

Та смотрит мимо, но уже не так уверенно, замедляет шаг, руки и локти прижимает к корпусу, занимая оборонительную стойку.

У края пирса мерцает огонек гораздо более близкий — можно подумать, там стоит рыбак в темном дождевике и держит на уровне лица старинный фонарь. Нет, не рыбак, скорее смотритель маяка, за последние три года не видевший ни единой живой души. Смотрителю кажется, что если держать фонарь ближе к глазам, то будет лучше видно.

Свет гаснет.

Рука Свена находит руку Лотты, и они идут уже совсем медленно. Небо над ними зияет необъятной пустотой, вокруг тоже сплошная пустота.

— *Wat?*

— По-американски, — напоминает Свен, натянуто улыбаясь.

— Пожалуй, все-таки не стоит... — начинает Лотта, но закончить не успевает: Свен прыгает на левой ноге, видимо, правая на что-то наткнулась — то ли обломок дерева, то ли гвоздь — или ударилась обо что-то твердое и неприятное.

Внезапно свет в конце пирса снова вспыхивает. Что бы это значило?

— Смотри! — показывает Лотта Свену.

Когда он перестает прыгать и хватать себя за стопу, свет снова гаснет. Свен кивает, сообразив, что к чему, и решительно топает ушибленной правой ногой. Свет вспыхивает.

— Попробуй ты, — велит он Лотте.

Она нерешительно топает, но ничего не происходит. Тогда она прыгает обеими ногами и топает энергичнее — восстановить соединение или что там случилось с проводом?

— Лампа плохо ввинчена, — ставит диагноз Свен и тянет Лотту вперед.

— Завинчена, — поправляет Лотта, плетясь следом.

Дойдя до края пирса, они ступают в круг дрожащего света, Свен облизывает подушечки пальцев и лезет под ржавый колпак, чтобы закрутить лампочку. Нитевидное мерцание превращается в теплый конус, который четко высвечивает их бледные бедра и застывшие тени, что ускользают во тьму.

— Мы наведем тут порядок! — заявляет Свен, имея в виду всю Америку.

Лотта порывисто целует его в щеку и, не сводя глаз со Свена, до последнего не отводя руки, легко и просто перешагивает через край пирса.

Свен отворачивается, улыбаясь и морщась, но брызг нет.

— Лотта? — зовет он, делая шаг вперед и прикрывая лицо от воды, которая вот-вот его окатит.

Лотта спрыгнула в темно-зеленое каноэ, которое качается взад-вперед — должно быть, заметила его, пока Свен возился с лампочкой. Он вновь поднимает руки, как бы щелкает фотоаппаратом, и просит:

— Прикройся, это фотка для внуков. Пусть увидят, какой потрясающей была их *grootmoeder*, когда мы познакомились.

Лотта поджимает губы, не в силах скрыть улыбку, и Свен спускается к ней, широко раскинув руки, чтобы лодка не перевернулась.

— Это не кража, — поясняет он, отвязывая веревку. — Каноэ просто плавало. Нам даже пришлось прыгнуть в воду, чтобы его достать... чтобы спасти!

— Мы тут все приведем в порядок! — восклицает Лотта во весь голос и тянется к Свену, а он, навалившись на забытый в каноэ шаткий мини-холодильник, оттал-

кивается от пирса. Девушка опускает руки в воду и смотрит на арендованную машину. Та выглядит так, будто рядом взорвалась стиралка. Нет, просто двое абсолютно счастливых ребят из Нидерландов взяли и испарились, исчезли без следа, оставив после себя только одежду.

— Что? — спрашивает Свен на идеальном американском.

— Весла-то нет, — сообщает Лотта. Кажется, смешнее и не придумаешь. Теперь их маленькая экспедиция стала еще интереснее.

— И штанов нет, и рубашек... — добавляет Свен, берясь за борта каноэ и раскачивая его из стороны в сторону.

— *Koude*, — соглашается Лотта и обхватывает себя, чтобы согреться. Потом, с легким вызовом: — В воде теплее!

— Там, где *diepere*, то есть глубже.

Они гребут руками, вода очень холодная, и ярдов через двадцать Свен снимает белую крышку с мини-холодильника. Грести ею гораздо удобнее, чем руками, и — что важно — крышка не мерзнет.

— Мой герой! — восклицает Лотта на идеальном английском, прижимаясь к Свену.

— Здесь тоже можно согреться, — замечает Свен, не переставая грести, и они отплывают от берега все дальше.

Лотта прижимается щекой к его спине, и под этим углом ей хорошо виден мини-холодильник, оставшийся без крышки.

— Смотри! — восклицает она и достает из холодильника прозрачный пакет с сэндвичем, намазанным арахисовым маслом.

— *Pindakaas*.— Свен глубже загребает крышкой, толкая каноэ вперед.

Лотта решительно выкидывает сэндвич в воду, подносит палец к губам, чтобы Свен знал — про это молчок. А в пакет сует свой телефон, аккуратно запечатывает сверху, с краю вдует воздух, и телефон оказывается в надувном пузыре.

— А еще пакет с замком может быть и *flotatie*-устройством,— объявляет она поставленным голосом бортпроводницы голландской авиакомпании.

Свен усмехается и поправляет:

— Плавучим.

Между тем телефон в пакете продолжает вести запись. Лотта наклоняет его под углом от себя, чтобы камера смотрела вперед.

— Как думаешь, что там?— Свен кивает в сторону огней, пока все очень далеких.

— Гигантские светляки,— с затаенным восторгом произносит Лотта.— Американские светляки!

— Стадо мастодонтов со светящимися бивнями.

— Воздушные медузы!— добавляет Лотта чуть тише, словно шепчет молитву.

— А бывают древесные губки, которые светятся?— спрашивает Свен.— Я серьезно, *ни*.

— Сейчас,— поправляет Лотта мечтательным шепотом.— Это индейцы! Они раскрасили лица и тела — готовятся напасть!

— Вот узнает об этом Джон Уэйн Гейси — им точно не поздоровится,— заявляет Свен со знанием дела, и Лотта хихикает.

— Да этот Джон Уэй...— начинает она и осекается, потому что Свен дернулся, отпрянул от борта и выдер-

нул из воды руки — с них свисает что-то длинное. Он встает, пытается это стряхнуть, и каноэ опасно накрывается, Свен теряет равновесие и падает в воду с другой стороны, и его мужское достоинство ускользает от жадного глаза камеры.

Он проваливается под воду почти без звука, раз — и нет.

Лотта, оставшись в каноэ одна, неуверенно поднимается, тыльная сторона ладони взлетает к носу, ко рту — защититься от *запаха*, исходящего от тягучей гадости, которую Свен затащил на борт.

Ее мутит, на коленях она отползает от этой жути подальше.

Каноэ занесло... во что? В ковер из водорослей? В озерные нечистоты? Здесь, на такой высоте над уровнем моря, ведь в придорожных ямах еще лежит снег?

— Свен! — кричит она в черноту, что напоздает на нее со всех сторон.

Девушка обхватывает себя руками, садится поудобнее, поджав ноги.

Свена нет.

Тут она понимает, что именно так пахнет: рыбы внутренности. Кто-то из горожан наловил много рыбы, выпотрошил ее прямо здесь и выкинул за борт потроха, кишки и прочие несъедобные части, те сплелись со свернувшейся кровью и превратились в вязкую плавающую дрянь.

Она снова кашляет, закрывает глаза, борясь с приступом тошноты.

Может быть, это вовсе не рыбы, пойманные сетью, — в Америке же запрещена ловля во внутренних водо-

емах? — а одна-две по-настоящему *здоровенные* рыбы-ны с самого дна озера. Осетр, щука, сом?

Свен в этом разбирается. Его дядя — рыбак.

— Свен! — зовет она снова. Что за дурацкие игры!

Не в ответ на зов, а скорее потому, что кончился воздух в легких, Свен выныривает на поверхность футах в двадцати слева от Лотты.

— *Gevonden!* Поймал! — орет он и машет над головой ярко-белой крышкой от мини-холодильника.

— Вернись! — зовет Лотта. — Хватит с меня этих громадных светляков!

— Мастодонтов! — кричит Свен, хлопая крышкой по воде, и слышать этот громкий звук Лотте почти невыносимо, ведь он привлекает лишнее внимание. Она смотрит на огни на дальнем берегу — вдруг те повернулись в их сторону?

Лотта берет телефон в воздушном пакете, встряхивает так, чтобы повернуть камеру к себе, и говорит на идеальном английском:

— Ненавижу тебя, Свен! Мне холодно и страшно, и когда спросишь себя, что сделал не так, почему тебе ничего не перепало в штате Айдахо, — проиграй эту запись и все поймешь.

Она запихивает телефон под перекладину ближе к носу каноэ, там есть укромный уголок, куда помещается надутый пакетик с телефоном внутри.

— Греби сюда! — просит Свен. — Не хочу прикасаться к этим... этим волосам!

— Это не волосы! — кричит в ответ Лотта. — Это рыбы кишки...

Фраза повисает в воздухе, потому что Лотта вдруг ясно чувствует — кто-то стоит у нее за спиной. Понят-